

«Король умер, да здравствует король!»

(посмертная судьба Людовика XVII)

Дмитрий Бовыкин*

Казус. Индивидуальное и уникальное в истории.
2004. М., 2005. С.328-350.

И для отечественной, и для европейской истории «посмертные судьбы» людей, причастных к власти, не являются чем-то исключительным. Имена Жанны д'Арк, царевича Дмитрия, Петра III, Александра I приходят на ум практически сразу.

Легенда о Людовике XVII, короле Франции и Наварры, скончавшемся в заключении летом 1795 г., стоит в том же ряду. На первый взгляд, она объединяет в себе едва ли не все сюжеты, характерные для подобных историй. Ее главный герой – человек, от которого самым непосредственным образом должны были зависеть судьбы страны. Подмена другим ребенком и тайное бегство из тюрьмы позволяет ему спастись от верной смерти. На политической сцене он появляется во многих, но неизменно узнаваемых лицах: десятки людей, хорошо помнивших «умершего», охотно подтверждают его личность. Все это и привлекает интерес к сюжету, позволяя историкам из раза в раз ставить вопрос о том, легенда ли это или доселе скрытая от нас истина.

Вместе с тем, история Людовика XVII представляется куда более запутанной и многоплановой, нежели многие другие подобные легенды. Не рискуя углубляться в типологию, отметим, что, на наш взгляд, события обычно развиваются по одному из трех сценариев: либо появление самозванцев отражает (как в случае с Петром III-Пугачевым) определенный «социальный заказ»; либо претенденты (как «выжившие» после расстрела Романовы) преследуют личную выгоду; либо предания о «жизни после смерти» возникают и существуют (как после кончины Александра I) в известной степени независимо от своих героев.

Однако у многочисленных людовиков XVII мотив личной выгоды звучит весьма приглушенно или даже карикатурно, а в пользу отсутствия «социального заказа» лучше всего свидетельствует то, что никто из них не пытался реально взойти на престол (да и вряд ли сумел бы это сделать). Более того, самые «убедительные» претенденты на роль Людовика XVII появляются как раз в то время, когда их присутствие едва ли могло хоть что-то изменить во французском или европейском политическом раскладе; и, напротив, в 1795-1799 гг., когда возможность реставрации монархии во Франции представлялась весьма реальной, легенда существовала во многом сама по себе.

Но не только это превращает легенду о Людовике XVII в интереснейший исторический казус. Она имеет три принципиальных отличия от своих аналогов. С одной стороны, большинство подобных сюжетов весьма скупо подкреплено историческими источниками, что заставляет воспринимать их скорее как стимул для полета фантазии, нежели как объект научного исследования (хотя, на наш взгляд, именно принципиальная невозможность разрешения загадки, как правило, и является залогом ее долговечности). С другой стороны, разрешение подобных загадок очевидно не имеет в наши дни никакой практической цели: ведь нам уже не так важно, умер ли Александр I в 1825 г. или прожил еще несколько лет или даже десятилетий под именем старца Фёдора Кузьмича. И наконец, подавляющее большинство аналогичных авантур (в обоих смыслах этого слова), по тем или иным причинам, заканчиваются вместе со смертью претендентов.

История Людовика XVII не укладывается ни в одну из этих схем. Различные ее компоненты вполне поддаются проверке при помощи многочисленных (хотя и весьма разрозненных) исторических документов – именно этому, по большому счету, и посвящена огромная, постоянно пополняющаяся историография проблемы¹. Такой проверки требуют и потомки одного из претендентов, вот уже полторы сотни лет настаивающие на признании по суду своих прав на наследие Бурбонов.

Иными словами, эта легенда не совсем обычна: она не локализована строго во времени и в пространстве, она имеет начало, но пока что не имеет конца. Впрочем, ее начало не сулило историкам никаких неожиданностей.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00268а.

¹ Сотни томов преимущественно французских авторов. В то же время следует отметить, что отечественные историки традиционно не уделяли проблеме внимания. Среди работ последних лет можно назвать лишь популярный очерк в книгах *Е.Б. Черняка* «Пять столетий тайной войны» (М., 1991) и «Времен минувших заговоры» (М., 1994), а также статью *Е.И. Лебедевой*. Подлинная история короля Людовика XVII, которая вышла трагической, хотя очень хотела стать сказкой с хорошим концом // *Знание и сила*. 2000. № 9. Помимо этого, см.: *Бовыкин Д.Ю.* Людовик XVII: жизнь и легенда // *Новая и новейшая история*. 1995. № 4; *Он же.* Людовик XVII: жизнь после смерти // *Мир генеалогии*. М., 1997; *Он же.* Смерть Людовика XVII (архив герцога де ля Фара) // *Европа. Международный альманах*. Тюмень, 2001.

Король без королевства

Рождение 27 марта 1785 г. второго сына у французской королевской четы прошло без особой торжественности: наученная горьким опытом первых родов¹, Мария-Антуанетта до последнего скрывала от двора, что собирается разрешиться от бремени, и, вопреки обыкновению, на этот раз принцы даже не успели собраться к ее постели². Сразу после рождения Луи-Шарль получил титул герцога Нормандского, а 4 июня 1789 г., после смерти своего старшего брата, стал наследником престола, дофином.

Одна из самых ярких его характеристик, относящихся к тому времени, принадлежит перу самой Марии-Антуанетты. 24 июля она писала мадам де Турзель, сменившей герцогиню де Полиньяк на посту гувернантки при дофине: «Моему сыну четыре года и четыре месяца без двух дней; [...] его здоровье всегда было хорошим, однако еще в колыбели было заметно, что его нервная система очень нежна, и что на него действует малейший шум; [...] в Фонтенбло у него были судороги. [...] Восприимчивость его нервной системы приводит к тому, что любой шум, к которому он не привык, вызывает у него страх; так, например, он боится собак. [...] Как и все крепкие и здоровые дети, он очень несобран, скор на гнев и неистов в нем, но он *хороший ребенок*, очень нежный и даже ласковый; [...] когда он что-то обещает, ему можно верить, однако он весьма болтлив, легко повторяет где-то услышанное и часто, даже не желая лгать, добавляет то, что является плодом его воображения, это его самый большой недостаток, который, несомненно, необходимо исправлять...»³.

Мария-Антуанетта надеялась, что по мере взросления впечатлительность сына ослабнет, а его недостатки останутся в прошлом. Однако лето 1789 г. оказалось последним спокойным летом в жизни королевской семьи: за ним последовали революция, свержение монархии, арест и заключение в Тампле – построеном еще в XII в. замке ордена тамплиеров в старом парижском квартале Марэ. Вместе с венценосными родителями Луи-Шарля в тюрьме также оказались его старшая сестра Мария-Тереза и тетя – сестра короля Елизавета Французская. Опасаясь бегства пленников, Парижская коммуна назначила 144 комиссара, которые должны были дежурить в Тампле по четверо и двадцать четыре часа в сутки.

Казнь Людовика XVI в январе 1793 г. de facto превратила дофина в нового монарха – однако монарха некоронованного и по-прежнему лишенного свободы⁴. В начале июля того же года принимается решение определить королю в воспитатели члена Парижской коммуна и клуба Кордельеров сапожника Антуана Симона; примерно тогда же Луи-Шарля отделяют от семьи и переводят на другой этаж башни. А осенью его ждет новое испытание: ребенка заставляют давать свидетельские показания против собственной матери о якобы совершенном ей инцесте. И вновь – одиночное заключение, завершившееся 8 июня 1795 г. смертью узника. Несколько дней спустя Конвент официально объявляет о смерти Людовика XVII, и вскоре граф Прованский, брат Людовика XVI, провозглашает свое восшествие на престол под именем Людовика XVIII.

Все эти события хорошо известны, и едва ли стоило бы к ним возвращаться, если бы не «посмертная судьба» Людовика XVII, оказавшаяся куда более неожиданной и загадочной, нежели его короткая жизнь.

Первые дни творения

Уже летом 1795 г., сразу после предполагаемой смерти узника Тампля, появляются три связанные с ним легенды.

Первая из них представляется нам совершенно искусственной, созданной на потребу времени. Она полностью вписывается в рамки той пропаганды, которую вели монархисты против революционного правительства – в их интересах было представить юного короля как невинную жертву, наделенную самыми разнообразными талантами и добродетелями. Так, Людовик XVIII уже в первых строках знаменитой Веронской декларации, объявляя о начале своего царствования, писал, что Франция «лишилась Короля, который правил в оковах, но даже детство его сулило, что он станет наследником лучших из Королей»⁵. Упоминание о трагической судьбе несчастного дофина – более или менее подробное, но неизменно трогательное – присутствовало не только в окончательном тексте декларации, но и в ее многочисленных проектах, составленных для нового монарха роялистами различного толка⁶.

¹ Набившаяся в комнату толпа стала тогда причиной сильной духоты, осложнившей состояние королевы; к тому же из-за большого скопления народа ей не смогли даже толком оказать медицинскую помощь.

² Левер Э. Мария-Антуанетта. Ростов-на-Дону, 1997. С.226.

³ Цит. по: Castelot A. Louis XVII. P., 1971. P.22-24.

⁴ Отсюда двойственность в историографии, позволяющая называть Луи-Шарля и дофином, поскольку он не был коронован, и Людовиком XVII, поскольку он законным образом занял трон после смерти отца. Монархисты употребляют в этом случае формулировку «Людовик XVII по праву (*de droit*)».

⁵ Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre à ses sujets. S.l., s.d. P.1.

⁶ См., например, проект бывшего члена Конституционного комитета Учредительного собрания и влиятельного монархиста Т.-Ж Лалли-Толандаля. Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Mémoires et documents. France. 588. F. 391v-392.

Важную роль в существовании этой легенды сыграл назначенный Коммуной воспитатель дофина, оказавшийся для ее творцов весьма подходящим персонажем. Казненный на следующий же день после 9 термидора как робеспьерист, Симон неоднократно появлялся на страницах книг в качестве воплощения тупой грубой жестокости, которую несет с собой революция – жестокости тем более отвратительной, что она не щадила даже детей. Так, например, рассказывая о судьбе королевской семьи, один из современников, депутат Конвента Л.С. Мерсье, с презрением отмечал, что единственной заботой Симона было отучить молодого принца быть королем¹. Напротив, «он учил его ругаться, плохо говорить об отце, относиться к матери, как к б****, петь Карманьолу и кричать: «Да здравствуют санкюлоты!»². Аналогичная трактовка событий встречается и в более поздних исторических сочинениях. Характерны в данном отношении слова И. Тэна: «Это восьмилетний, необыкновенно развитый ребенок, столь же умный, сколь и добрый, милый, прелестный ребенок. Взгляните теперь на стоящего рядом с ним с поднятым кулаком и громко ругающегося человека, с лицом висельника. Это его воспитатель, его официальный наставник, абсолютный господин над ним, башмачник Симон, злой, грязный, гнусный человек, насильно спаивающий его, терзающий его голодом, мешающий ему спать, осыпаящий его ударами, и инстинктивно, из принципа проявляющий на нем всю свою грубость, всю свою развращенность, с целью его извратить, забить, развратить»³.

* * *

Вторая легенда, связанная с кончиной Людовика XVII, родилась из уверенности окружающих в том, что король не мог умереть сам по себе: либо его умили тюремщики, либо убили по приказу революционных властей. Думается, что основой для нее послужили многочисленные слухи о болезни ребенка, активно ходившие еще при его жизни.

Так, 11/22 мая 1795 г. полномочный министр России во Франции И.М. Симолин⁴ извещал вице-канцлера графа И.А. Остермана: «Один из друзей сообщает мне из Парижа, что новости о здоровье юного Короля крайне тревожны, говорят, что он весьма слаб, не проявляет интереса ни к чему характерному для его возраста, стремится спать большую часть времени, мало ест и совсем не говорит, однако с ним не столько плохо обращаются, сколько о нем мало заботятся»⁵. О том же говорил полномочному министру в Лондоне С.Ф. Воронцову английский министр иностранных дел лорд Гренвиль⁶: мальчика погубили, плохо с ним обращаясь⁷.

Однако были и другие известия. 12/23 июня российский министр в Берлине М.М. Алопеус сообщал: «Барон Гарденберг⁸ [...] убежден [...], что несчастный наследник Трона Бурбонов погиб от рук тех презренных отцеубийц, для которых нет ничего святого и которые организовали это дьявольское дело, чтобы добиться исчезновения причины гражданской войны, которая недавно разразилась в Вандее и которая заставит вновь взяться за оружие всех шуанов»⁹. Гипотеза, не лишенная логики: в самом деле, существует устойчивая легенда (еще одна легенда, связанная с Людовиком XVII !) о том, что странный мир, заключенный одним из лидеров вандейского сопротивления генералом Ф.А. Шареттом с Конвентом в феврале 1795 г.¹⁰, объяснялся лишь тем, что депутаты Конвента пообещали освободить Людовика XVII или даже провозгласить его королем.

© Дмитрий Бовыкин 2003-2006

¹ Истинное отношение Симона к дофину – сюжет для отдельного исследования. Однако нам представляется, что хотя фигура Симона и получила в литературе известный налет демоничности, слова Мерсье весьма похожи на правду, что, впрочем, нисколько не заставляет видеть в Симоне алкоголика или дегенерата.

² Mercier L.-S. Le nouveau Paris. P., 1994. P.330.

³ Тэн И. Происхождение современной Франции. СПб., 1907. Т. IV. Революционное правительство. С. 199.

⁴ И.М. Симолин сохранил за собой этот пост и после того, как революционные события заставили его покинуть территорию Франции. Настоящая депеша была отправлена им из Франкфурта.

⁵ Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф.93. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 518. Л. 40.

⁶ Сам Гренвиль получал от своих агентов информацию на эту тему еще, по крайней мере, с ноября 1793 г. Historical Manuscripts commission. The Manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Drogheda. L., 1894. Vol. II. P. 466.

⁷ АВПРИ. Ф. 35. Сношения России с Англией 1720-1808. Оп. 35/6. Д. 459. Л. 114. То же самое выражение – «fait périg» – употребил в своей депеше и генеральный консул России в Остенде И. Фацус. АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Д. 1249. Л. 83.

⁸ Карл Август фон Гарденберг (1750-1822) – министр Пруссии.

⁹ АВПРИ. Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Д. 457. Л. 151.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Hutt M. La prétendu pacification de l'an III // Annales historiques de la Révolution française. 1966. P. 485-521; Martin J.-Cl. Sur le traité de paix de La Jaunaye, février 1795. Les conditions d'un compromis // Annales de Bretagne et de Pays de l'Ouest. 1997. Т. 104. N 1. P. 73-88.

Разумеется, сообщения об отравлении дофина получали не только в Петербурге. В донесении, направленном австрийскому двору весьма информированным и авторитетным швейцарским журналистом той эпохи Ж. Малле дю Паном, имевшим немало корреспондентов во Франции и поставлявшим информацию о настроениях в стране не только в Вену, но и в Пруссию, Сардинию и Португалию¹, читаем о кончине Людовика XVII: «Весьма распространенное мнение приписывает ее медленному яду. [...] Преждевременная смерть юного короля не носит естественного характера: он был полон сил и здоровья [...]; весьма вероятно, что его гибель была ускорена насильственным способом: он проводил целые дни в своем кресле, в молчании и неподвижности. [...] На протяжении трех месяцев о нем заботился хирург Десо, человек сколь неподкупный, столь и умелый, бывший в заключении при Робеспьере. Отмечают, что Десо отправился в могилу на 8 дней раньше Людовика XVII² и что он был заменен неким Пеллетаном, анатомом, неистовым революционером, служившим в тюрьме Сен-Лазар шпионом Комитета общественного спасения, помогавшим составлять списки жертв для гильотины. Из этих обстоятельств делают вывод о том, что Конвент хотел, чтобы свидетелем смерти Короля был негодяй, которому заплатили, дабы он скрыл ее истинный характер»³.

Аналогичные слухи доносят до нас и другие источники. Так, например, еще в сентябре 1794 г., задолго об объявлении о смерти дофина, Ш.А.Калонн⁴ писал своей супруге: «Берлинская газета от 6 сентября сообщила, как о проверенных сведениях, что смерть Людовика XVII от болезни в тюрьме стала следствием горячих напитков, которые его заставляли пить»⁵. Несколько позже, в середине июня 1795 г., анонимный автор памфлета «Важный вопрос о смерти Людовика XVII» напоминал читателям о том, что на заседаниях Конвента неоднократно требовали смерти юного короля и что в сентябре 1792 г. у всей королевской семьи уже случались весьма подозрительные желудочные колики, не приведшие, правда, к фатальным последствиям. «Все согласны в том, – утверждалось далее, – что Людовик XVII был отравлен»⁶. О подобных слухах сообщали даже легальные парижские издания той эпохи⁷, их активно обсуждали на улицах⁸. «Робеспьер⁹, – отмечал несколько лет спустя в своих мемуарах один из видных военачальников армий эмигрантов граф Ж.-Ж. де Пюизэ, – либо из политических соображений, либо из страха по крайней мере относился с уважением к существованию Дофина. Преступление легло на его преемников. Причина и обстоятельства этой смерти – одна из самых ужасных загадок, раскрыть которые может лишь время»¹⁰.

Характерно, что дядя дофина, Людовик XVIII, старательно подчеркивал ненасильственный характер смерти своего племянника. Как доносил в Санкт-Петербург посол в Венеции Александр Семенович Мордвинов, в извещении, направленном правительству Венецианской республики, граф Прованский объявлял, что «он получил верное известие о кончине Людовика XVII, короля французского, коего тело было открыто, и не найдено в оном ни малейшего подозрения в отраве»¹¹.

Очевидно, что развеять сомнения (или, по крайней мере, их часть) могла бы публикация протокола о вскрытии тела юного узника Тампля – что и было сделано по распоряжению Комитета общей безопасности¹². Врачи действительно не нашли никаких следов яда и пришли к выводу, что ребенок скончался от золотухи, которой заболел задолго до того. Удивляет, однако, другое: хотя одна из газет и сообщала читателям, что при вскрытии присутствовали даже послы иностранных держав¹³, на самом деле ни на вскрытие (что неудивительно),

¹ Сергиенко В.Ю. Малле дю Пан и его размышления о Французской революции // Актуальные проблемы всеобщей истории. Ростов-на-Дону, 2002. С. 139.

² О том, что Десо едва ли умер своей смертью, сообщали и русские дипломаты. См., например: АВПРИ. Ф. 85. Сношения России с Сардинией. Оп. 85/2. 1795 г. Д. 197. Л. 51.

³ Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la cour de Vienne (1794-1798). Paris, 1884. Vol. 1. P. 230-231.

⁴ Шарль Александр де Калонн (1743-1802) – французский государственный деятель, генеральный контролер финансов (1783-1788), автор не принятого королем проекта налоговой реформы, предвосхитившей, как считает ряд исследователей, «Ночь чудес» 4 августа 1789 г. Один из первых эмигрантов, играл роль премьер-министра при дворе графа д'Артуа.

⁵ АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела (перлюстрации). Франция – Бурбоны. Оп. 6/2. 1795 г. Д. 4. Л. 125-125об.

⁶ Question importante sur la mort de Louis XVII. S.l., s.d.

⁷ См., например: Courrier universel, du citoyen Husson. 25 prairial an III (13.06.95.). P. 1.

⁸ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1899. Vol. II. P. 1.

⁹ В принципе, целая группа легенд повествует об интересе, который Робеспьер проявлял к дофину. Утверждается даже, что он вывозил его из Тампля для конфиденциальной беседы (см., например: Historical Manuscripts commission. Vol. II. P. 576-577), а часть авторов уверена, что именно по приказу Робеспьера дофина подменили в тюрьме другим мальчиком.

¹⁰ Mémoires du comte Joseph de Puisaye. Londres, 1803. Vol. 2. P. 571.

¹¹ АВПРИ. Ф. 41. Сношения России с Венецией. Оп. 32/3. 1795 г. Д. 222. Л.15.

¹² Procès-Verbal de l'ouverture du corps du fils de défunt Louis Capet; imprimé par ordre du comité de Sûreté générale. Paris, Prairial, an III.

¹³ Annales de la République française, et journal historique et politique de l'Europe. N 260. 24 prairial an III (12.06.95.). P. 2. Трудно сказать, была ли эта идея реализована, однако это явно не пустой слух. В депеше российского поверенного в делах при Тосканской миссии графа Моцениго, отправленной Остерману из Флоренции 23 июня/4 июля 1795 г. читаем:

ни на составление свидетельства о смерти не был приглашен никто из близких родственников покойного, способных со стопроцентной уверенностью удостоверить его личность, что было обычной практикой в то время. Сестра, заключенная на соседнем этаже башни, даже не знала о смерти брата.

Само заключение, составленное врачами – а по крайней мере двое из них, Пеллетан, упомянутый выше Малле дю Паном, и некий Дюманжен, лично знали больного – также представляется весьма странным. Прибыв в Тампль, они, как говорится в протоколе, вошли в комнату на втором этаже, где обнаружили на кровати тело ребенка примерно десяти лет, «про которого комиссары сказали нам, что это сын скончавшегося Луи Капета¹, и в котором двое из нас узнали ребенка, которого уже несколько дней лечили»². Больше о личности умершего в документе не сказано ни слова. Несмотря на то, что в нем зафиксированы результаты внешнего осмотра тела, там не отмечена ни одна из характерных черт дофина, прекрасно в то время известных: следы от прививок на обеих руках и родинка на внутренней стороне левой ладони³. Таким образом, вместо того, чтобы развеять сомнения в смерти Людовика XVII, протокол вскрытия только усиливал их, и его, не таясь, высмеивали в парижских кафе⁴.

* * *

И, наконец, третья легенда, возникшая летом 1795 г., гласила, что дофин не умер в Тампле, но каким-то образом сумел покинуть его и спастись.

Так, 11 июля 1795 г. министр иностранных дел Австрии барон Тугут писал австрийскому послу в Лондоне графу Стархембергу: «Вплоть до сегодняшнего дня преждевременное признание Месье⁵ кажется нам представляющим больше неудобств, нежели преимуществ. В некотором роде даже удивительно, что Месье поторопился принять титул короля, поскольку, если внимательно разобраться, не существует на самом деле никакой твердой уверенности в смерти сына Людовика XVI». Далее в этом же письме говорится, что наследник трона «может еще появиться, если он будет ясным и законным образом установлен»⁶. Характерно, что есть свидетельства о том, будто и сам Людовик XVIII, несмотря на свои же официальные заявления, не был до конца уверен в смерти племянника⁷. А на парижских улицах летом 1795 г. нередко говорили, что, на самом деле, условия мира с Шареттом, речь о котором шла выше, были выполнены, и Людовика тайно передали в руки роялистов⁸.

Даже четыре года спустя после смерти дофина, 16 декабря 1799 г., герцог де Бурбон (отец герцога Энгийенского, расстрелянного позднее Наполеоном) писал своему отцу, знаменитому герцогу Конде, главнокомандующему сражавшейся с Революцией армии эмигрантов, о слухах, что «маленький Король Людовик XVII» не умер и что «это не является невозможным»⁹. А в появившейся примерно в то же время публикации в лондонской прессе говорилось: «Все думали, что Людовик XVII был отравлен. Придерживаясь того же мнения, Британский Кабинет распорядился, чтобы один из его лучших врачей, которого мы здесь не называем, проанализировал сообщение Бюллетеня¹⁰. Он пришел к выводу, что ребенок не мог скончаться от указанной в Бюллетене болезни; а поскольку сама причина [смерти] ложная, но, тем не менее, он мертв, обстоятельства не могут быть такими, каковыми описываются». Там же шла речь о слухах, что Людовик XVII жив: «Но где он? никто этого не знает, кроме тех, кто реально об этом осведомлен... и когда, где, как он должен появиться, зависит от хранителей этой важной тайны»¹¹.

© Дмитрий Бовыкин 2003-2006

¹ Так после отмены дворянских титулов революционеры именовали Людовика XVI.

² Procès-Verbal de l'ouverture du corps... P. 1-2. Одновременно текст протокола был опубликован и в «Moniteur» – газете, регулярно предоставлявшей свои страницы под публикацию подробных отчетов о заседаниях Конвента и имевшей полуофициальный характер. Réimpression de l'Ancien Moniteur. P., 1842. T. 24. P. 670.

³ См. статью *Michel Jaboulay* на <http://www.museelouisxvii.com/fausseVerite.htm>.

⁴ *Aulard A.* Op. cit. P. 12.

⁵ Monsieur – титул, который носил брат Людовика XVI граф Прованский до того, как провозгласил себя королем.

⁶ Цит. по : *Serres-Bria R.* Pourquoi doutait Madame Royale // Bulletin de l'Institut Louis XVII (далее – BIL). N 47. P. 20.

Институт Людовика XVII – французская общественная организация, созданная в 1990 г. Подробнее см.: <http://www.louis-xvii.com>.

⁷ *Mansel Ph.* Louis XVIII. London, 1999. P. 108.

⁸ *Aulard A.* Op. cit. P. 3.

⁹ Цит. по : *Roche X. de.* Louis XVII. P., 1986. P. 42. Исследование Ксавье де Роша – одно из самых солидных в историографии загадки Людовика XVII. На его страницах де Рош приводит сотни документов и ссылок на конкретные источники, подвергая их, в отличие от многих других авторов, критическому анализу.

¹⁰ Бюллетени о болезни дофина регулярно предоставлялись Конвенту.

¹¹ Текст тем более интересный, что он был найден автором в Национальном архиве (Archives Nationales. 198 AP 4. Doss. 5.) в бумагах герцога А.Л.А. де ля Фара – эмигранта и доверенного лица Людовика XVIII. Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Смерть Людовика XVII (архив герцога де ля Фара).

Легенда порождает легенду

Легенда о том, что дофину удалось спастись, оказалась самой долговечной из всех трех и благополучно существует по сей день. Это легко объяснимо: истории о невинной жертве революции и ее трагической гибели носили сиюминутный характер, во многом определявшийся текущей политикой. После Реставрации исключительные моральные качества Людовика XVII мало кого интересовали, а о зверствах революционеров и без того было сказано и написано достаточно (и пресловутый Симон служил здесь далеко не самым хрестоматийным примером). Мотив отравления также забылся: через несколько десятилетий причина смерти ребенка потеряла свою актуальность.

Но если предположить, что Людовика XVII действительно сумели похитить из Тампля, возникает целый ряд вопросов. Прежде всего, как могло случиться, что никто (в том числе Симон и комиссары Коммуны) не заметил подмены? Впрочем, именно это обстоятельство объяснить оказалось не сложно. По не вполне понятным до сих пор причинам Симон подал в отставку и покинул Тампль 19 января 1794 г. После переворота 9 термидора, в июле того же года, перестали посещать тюрьму и комиссары Коммуны: охрана дофина поручалась отныне нескольким постоянным стражам. Только в ноябре в Тампль возвратились посторонние: по одному представителю от парижских секций (районов города) должны были посменно дежурить в башне в качестве дополнительных стражей. Однако – и на это историки также обращают внимание – одному и тому же человеку запрещалось нести стражу дважды в течение года¹. Был проанализирован и состав этих людей: только девять из них впоследствии заявили, что знали дофина ранее, однако и они не смогли этого доказать².

Кто еще мог стать свидетелем предполагаемой подмены? Постоянные охранники? Но те показания, которые они давали позднее о пребывании короля в тюрьме, во многом противоречат друг другу³. Депутаты Конвента, несколько раз посещавшие узника? Однако рассказы двух из них, побывавших в Тампле в течение второй половины 1794 г., разительно отличаются.

Известный термидорианец П.Баррас навел Людовика XVII сразу после переворота. Он отмечал, что тот был «сильно ослаблен болезнью», а «его колени и лодыжки распухли». Тем не менее, дофин не отказался ответить на все заданные ему вопросы⁴. Однако Ж.-Б.Арман (из Мёза), посетивший тюрьму во второй половине декабря, видел, как кажется, совсем другого человека: «Я приблизился к Принцу. Наши передвижения не произвели на него никакого впечатления». Когда депутат пытался с ним заговорить, мальчик смотрел на него «неподвижным взглядом, не шевелясь, слушая очень внимательно, но не произнося ни слова в ответ». Внешний осмотр показал, что у ребенка есть признаки «рахитизма и недостатки телосложения»⁵. «Но удивительная вещь, – комментирует воспоминания Армана Луи Блан, – ребенок очень охотно исполнял всё, о чем его просили, кроме одного: говорить; Арман попросил его протянуть руку, и он это тотчас сделал; встать – и он встал, пройти – и он стал ходить; очевидное доказательство, что если он не говорил, то не вследствие нежелания, а по невозможности»⁶.

Появление в Тампле странного немого ребенка заставило историков обратиться к показаниям тех, кто охранял мальчика. Все они настаивали на том, что дофин «говорил без труда», однако никак не могли объяснить, почему он соглашался беседовать исключительно с ними и ни с кем другим. «Многие члены Конвента приходили навестить ребенка в то время, когда он был доверен моей охране, – рассказывал, например, некто Гомен, приступивший к службе в Тампле в ноябре 1794 г., – и никогда он не отвечал на вопросы, которые ему задавались»⁷.

Если вспомнить рассказ Марии-Антуанетты о слабой нервной системе ребенка, в том, что он в конце концов онемел, мы не увидим ничего удивительного. «Психологам и психиатрам хорошо известен такой симптом сильного детского невроза или психического расстройства, как мутизм, – пишет Е.И.Лебедева, – когда ребенок действительно не может произнести ни слова. Он характерен для больных трех-пятилетнего возраста, но при тяжелых стрессах вполне может проявиться и в девять-десять лет»⁸.

Однако, основные испытания – арест, казнь отца и матери, одиночное заключение – выпали на долю Людовика еще до Термидора. «Онемел» же дофин значительно позже, лишь к концу 1794 г. С чем же в таком случае это было связано?

Ж.-П.Ромэну удалось обнаружить любопытную конфиденциальную записку, адресованную Пеллетану одним из секретарей Комитета общей безопасности и датированную 8 июня 1795 г., днем смерти узника. В ней, в частности, говорится: «Комитет будет рад, если ни один слух, ни один разговор о болезни не станет достоянием широкой публики. Это предупреждение должно послужить для того, чтобы сохранялась максимальная тайна, и это тот случай, когда ничем не следует пренебрегать, чтобы избежать малейшей опрометчивости». Ромэн

¹ Romain J.-P. Louis XVII. Roi de Thermidor. P., 1995. P. 57. Исследование Жана-Паскаля Ромэна в целом представляется нам весьма взвешенным и корректным.

² Dupland E. Vie et mort de Louis XVII. P., 1987. P. 378.

³ См., например : Roche X. de. Op. cit. P. 831.

⁴ Barras P. Mémoires de Barras, membre de Directoire. P., 1895. Vol. 1. P. 205.

⁵ Harmand (de la Meuse) J-B. Anecdotes relatives à quelques personnes et à plusieurs événements remarquables de la révolution. P., 1814. Цит. по: Roche X. de. Op. cit. P. 306, 307.

⁶ Блан Л. История французской революции 1789 года. СПб, 1909. Т. XII. С. 263.

⁷ Показания даны в 1837 году. Цит. по : Romain J.-P. Op. cit. P. 70.

⁸ Лебедева Е.И. Ук. соч.

справедливо задается вопросом, какова же была эта *тайная* болезнь, если о ней не упоминает протокол о вскрытии, предназначенный для официальной публикации. Более того, о неразглашении этой болезни Пеллетану предписывалось предупредить доктора Дюманжена, пользовавшего мальчика и раньше, – но только его, а не всех трех врачей, производивших вскрытие. Соответственно, делает вывод Ромэн, эта была болезнь, которую как раз вскрытие-то выявить и не могло¹.

Впрочем, Пеллетан начал посещать дофина лишь незадолго до его смерти, тогда как были доктора, лечившие узника Тампля и ранее. Один из них, Тьерри, врач парижских тюрем, неоднократно навещал Луи-Шарля в течение 1793 г. Он прекратил свои визиты в начале 1794 г. в связи с выздоровлением мальчика – что, кстати, противоречит нередко изображаемой в историографии картине медленного и постепенного угасания дофина. Как утверждают документы того времени² и более поздние свидетельства³, по крайней мере в январе 1794 г. тот пребывал в добром здравии.

Еще один врач, П.-Ж.Десо, также упоминавшийся в письме Малле дю Пана, был не просто человеком «умелым», а одним из медицинских светил своего времени, главным хирургом центральной парижской больницы (*Hôtel-Dieu*) Ему приходилось бывать в Версале в 1789 г., когда он принимал участие в лечении старшего брата Луи-Шарля. Он же в начале мая 1795 г. был назначен врачом при малолетнем узнике, хотя неофициально посещал его в тюрьме и раньше.

Десо не мог не заметить подмены. И действительно, в конце мая, он отправляет специальный доклад в Комитет общей безопасности (содержание которого нам неизвестно, однако многие исследователи предполагают, что он был посвящен именно этой теме). Встретившись затем с членами Комитета, он принимает их приглашение отобедать вместе, а «вернувшись домой, – как сообщила позднее одна из его родственниц, – доктор Десо испытал сильную рвоту, вследствие которой и умер; это заставило предположить, что он был отравлен»⁴. В следующие несколько дней умирают и двое других врачей, ближайших друзей Десо, а третий, бросив семью и практику, бежит в Америку. Впоследствии он напишет, что сделал это, не желая разделить судьбу своих коллег⁵.

Подобные совпадения настораживают, но едва ли что-то доказывают. Однако если невозможно полностью положиться на свидетельства современников, нельзя ли подойти к проблеме с другой стороны?

Мы знаем, что скончавшийся в Тампле ребенок был похоронен на кладбище Святой Маргариты, известно и место его захоронения. Две эксгумации, проводившиеся в 1846 и 1894 гг., подтвердили, что найденный там скелет ребенка действительно принадлежал мальчику, которого видел в Тампле Ж.-Б.Арман (из Мёза) и чье вскрытие проводили Пеллетан и его коллеги: об этом говорят сохранившиеся следы зафиксированных в 1794-1795 гг. болезней и самого вскрытия⁶. Однако столь же неопровержимо было установлено, что минимальный возраст этого ребенка – 14 лет. При этом врачи отмечали, что современники вполне могли не заметить столь существенной разницы в возрасте между Луи-Шарлем и заменившим его ребенком: больной туберкулезом мальчик вполне мог казаться существенно моложе своих лет.

Следует сказать и о том, что в последние десятилетия немало шума произвели две вынырнувшие из прошлого реликвии – сердце и прядь волос ребенка, скончавшегося в июне 1795 г. в Тампле. Известно, что сердце, втайне от своих коллег, спрятал во время вскрытия Пеллетан, и он же передал прядь волос присутствовавшему при вскрытии гражданскому комиссару Домону. После Реставрации оба настойчиво предлагали эти реликвии королевской семье – и Людовику XVIII, и Марии-Терезе, ставшей герцогиней Ангулемской. Те, не менее настойчиво, отказывались. Только в 1895 г. дон Карлос, герцог Мадридский из дома Бурбонов-Пармских, согласился принять сердце в подарок.

В итоге, когда в 1975 г. наследники дон Карлоса надумали торжественно передать сердце герцогу де Боффрему, президенту Мемориала Франции, для помещения в Базилику Сен-Дени, разгорелся крупный скандал, в который раз подтвердивший, что до сего дня проблема смерти Людовика XVII (несмотря на то, что в историографии она традиционно считается маргинальной⁷) является весьма значимым компонентом национальной исторической памяти. О многочисленных протестах против помещения в Базилику неизвестно кому принадлежащего сердца писали многие газеты, а телепередачу «Dossiers de l'Écran» в январе 1976 г. смотрело 44,6 % аудитории, что составило примерно 17,5 млн. человек. В результате урну с сердцем всё же приняли в Сен-Дени, однако на ней появилась табличка с весьма осторожной надписью: «Предполагаемое сердце ребенка, скончавшегося в Тампле, возможно, носившего имя Луи-Шарль Капет»⁸.

¹ Romain J.-P. Op. cit. P. 71.

² Это, в частности, зафиксировано в сообщении о заседании Совета Коммуны от 1 плювиоза II года Республики (20 января 1794 г.), опубликованном 3 плювиоза (22 января) в *Moniteur. Réimpression de l'Ancien Moniteur*. P., 1841. Т. 19. P. 262.

³ В частности, имеются в виду неоднократные заявления на эту тему вдовы Симон. Romain J.-P. Op. cit. P. 154.

⁴ Цит. по: Roche X. de. Op. cit. P. 54.

⁵ Ibid. P. 57.

⁶ Подробнее см.: Romain J.-P. Op. cit. Ch. V. Les exhumations et les fouilles.

⁷ Как остроумно заметил автору один из французских коллег, «русский, который интересуется Людовиком XVII, – все равно, что француз, интересующийся детьми Ленина».

⁸ Romain J.-P. Op. cit. P. 42.

Об интересе, по-прежнему проявляемом к обоим реликвиям, свидетельствуют и попытки использовать новейшие достижения науки для того, чтобы раз и навсегда разрешить загадку Людовика XVII. Так, хранившаяся у Домона прядь волос была отдана криминалистам Лиона для сопоставления с другой прядью, чья принадлежность дофину не вызывала сомнений. Однако выводы экспертизы свелись к тому, что пряди не идентичны ни по цвету, ни по структуре и, соответственно, принадлежат разным людям¹.

И, наконец, совсем недавно переданное в Базилику сердце было подвергнуто сравнительному анализу ДНК. На пресс-конференции, проведенной 19 апреля 2000 г., было объявлено, что ученые из лаборатории профессора Ж.-Ж.Кассимана из Центра генетики человека в Лювене (Бельгия) и из лаборатории профессора Б.Бринкмана в Мюнстере (Германия) взяли на анализ ткани сердца, хранящегося в Сен-Дени. Они сравнили их код ДНК с кодом родственников Людовика XVII по материнской линии: двух его теток (Иоганны-Габриэлы и Марии-Жозефы), его матери (Марии-Антуанетты) и двух ныне живущих потомков Габсбургов: Анны, королевы Румынии, и ее брата Андре. Бельгийские специалисты заявили, что по отношению к Анне и Андре можно говорить об идентичности кода, а по отношению к остальным родственникам – об определенной схожести. Немецкие ученые были более осторожны в своих выводах: они также отметили схожесть кода, указав, тем не менее, и на некоторые различия. Однако на пресс-конференции об идентичности кода говорилось уверенно и однозначно².

Оглашенные на ней сведения получили широчайший резонанс. Ведущие издания мира опубликовали заметки о том, что тайна Людовика XVII наконец раскрыта. На русском языке на эту тему появилось даже специальное коммюнике посольства Франции, размещенное на его сайте в интернете³, а многие газеты сообщили о проведенном исследовании в разделах новостей, одновременно «обогадив» и без того запутанную историю Людовика XVII немалым количеством неточностей и ошибок⁴.

Но кое о чем на пресс-конференции предпочли умолчать. Прежде всего, о том, что по соглашению, заключенному обеими научными организациями, предавать результаты анализа огласке можно было только по взаимному соглашению, а пресс-конференция предусматривалась лишь после публикации результатов в научном издании⁵, тогда как к апрелю 2000 г. исследования в Мюнстере были даже еще не завершены.

Однако более важным по сравнению с нарушением научной этики обстоятельством было заявление одного из ведущих французских специалистов по анализу ДНК, доктора О. Паскаля из Нантского университета. Не подвергая сомнению результаты своих коллег, он подчеркивал, что «генетический код “древних” волос (Марии-Антуанетты и ее сестер) не соответствует генетическому коду сердца» из Базилики, что не позволит использовать полученные результаты, например, в суде присяжных⁶. Объясняется ли это лишь тем, что волосы в принципе не самый лучший материал для анализа ДНК? Не исключено.

Скорее всего хранящееся ныне в Сен-Дени сердце действительно принадлежало кому-то из Габсбургов, но совсем необязательно второму сыну Марии-Антуанетты. Тем более, что на французской земле проживали и другие потомки этого рода, а также существовал обычай почитания сердец особ королевской крови как реликвий. Считается, что всего с 1662 по 1789 г. таких сердец было «собрано» 47. Последнее из них принадлежало Людовику-Жозефу-Ксавье-Франсуа де Бурбону, дофину Франции – иначе говоря, первому сыну Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Когда в 1793 г. крипта с реликвиями была разграблена революционерами, только это сердце и удалось спасти. В 1817 г. его передали Людовику XVIII⁷, а тот, якобы, в Базилику Сен-Дени. Однако, когда уже в наши дни был сделан соответствующий запрос К. Воду, администратору Базилики, выяснилось, что сердце первого сына Марии-Антуанетты там не обнаружено.

Иными словами сердца двух братьев могли перепутать уже в Базилике. Но могли и раньше: почти полвека принятое у Пеллетана сердце хранилось в замке Фрохсдорф на территории Австрийской империи в компании еще несколько сердец, принадлежавших членам рода Габсбургов. В том же замке жила одно время и герцогиня Ангулемская. По рассказам, которые сейчас трудно проверить, у нее также имелось некое сердце – в украшенной королевскими лилиями урне с надписью: «Louis». Людовика XVII или его старшего брата?

Ко всему прочему, внешний вид переданного в Базилику в 1976 г. сердца даже на фотографии существенно отличается от того, что было запечатлено в 1894 г., к тому же оно сидит значительно ниже в окружающей его жидкости⁸. Настолько потяжелело и изменило свою форму? Ученые в этом сомневаются. Нет уверенности в происхождении сердца и у графа Парижского, считающего себя главой французского королевского дома (а его

¹ Hamann J. Nouvelles réflexions sur le cœur de l'Enfant mort au Temple // BIL. 2000. N 41. P. 12-13.

² BIL. 2000. N 40. P. 12-15.

³ http://amba.1co.ru/rus/looks/01-31-01_3.asp

⁴ См., например: Сегодня. N 88. 21 апреля 2000 г.; Невское время. N 88. 18 мая 2000 г.

⁵ Ксерокопию соглашения см. в: BIL. 2000. N 40. P. 19.

⁶ BIL. 2000. N 40. P. 5-6.

⁷ BIL. 2000. N 40. P. 10.

⁸ Hamann J. Op. cit. P. 11, 17.

трудно заподозрить в сочувствии к эвизионистам¹). Еще до начала исследований он резко выступил против них через своего адвоката – и именно из-за сомнительности происхождения сердца².

Иными словами, все попытки достоверно выяснить, умер ли Людовик в XVII в 1795 г. или все-таки выжил, вплоть до настоящего времени заканчивались ничем, хотя этот вопрос и не видится нам принципиально неразрешимым.

Возможно, если бы после Термидора никто больше про дофина не услышал, эта загадка так и осталась бы локальным казусом, каких было немало в истории Революции. Однако, начиная уже с 1795 г., несколько десятков человек претендовали на то, что именно они – законные короли Франции, чей трон нагло похитили. Они-то во многом и послужили тем мостиком в наши дни, благодаря которому попытки раскрыть «тайну Людовика XVII» не прекращаются до сих пор.

Самозванцы и претенденты

История многих из этих людей могла бы послужить сюжетом для увлекательного приключенческого романа в стиле А. Дюма, однако едва ли стоит выводить в данной статье целую череду мальчиков, юношей, а то и зрелых мужчин, которые в то или иное время претендовали на то, чтобы их считали спасшимся из тюрьмы дофином³. Разумнее было бы на этом этапе развития (вернее даже, *материализации*) легенды выделить несколько ее общих линий.

С одной стороны, самозванцы нередко принимались самой широкой публикой с энтузиазмом, который был, одновременно, и удивителен, и показателен. Сошлемся здесь на Л.Блана, рассказывающего о приеме, который был оказан одному из самых известных лже-Людовиков, Жану-Мари Эрваго, объявившемуся вскоре после сообщения о смерти дофина: «Сын портного в Сен-Ло не успел выдать себя за сына Людовика XVI, как его окружили тысячи приверженцев. Великолепно помещенный в дом госпожи Рамбекур, муж которой считал за честь быть его камердинером, смелый самозванец не замедлил увидеть вокруг себя двор идолопоклонников. Его портреты ходили по рукам. Хвалы на всех устах. Наиболее почетные, по своему рождению или богатству, люди считали себя счастливыми исполнять при нем самые низкие обязанности. В первый же вечер его заключения в тюрьме⁴ был устроен великолепный праздник. Стремление толпы оказать ему почет было так велико, что мэр города должен был преградить доступ в тюрьму»⁵.

С другой стороны, само отношение к самозванцам и – шире – к «делу Людовика XVII» революционного правительства, Директории, Наполеона, а затем и Людовика XVIII давало дополнительную пищу для пересудов и лишь усиливало сомнения в смерти дофина. Нетрудно заметить, что каждый новый политический режим проявлял повышенное внимание к претендентам на роль Людовика XVII, причем внимание, выходящее, на наш взгляд, за рамки обычного интереса к нарушителям общественного спокойствия. Известно, что и Ж.Фуше, министр полиции при Директории и Наполеоне, и Э.Деказ, министр полиции при Реставрации, удостаивали вопрос о возможном бегстве Людовика XVII из Тампля специальных расследований. Известно также, что герцогиня Ангулемская всю жизнь интересовалась теми, кто выдавал себя за Людовика XVII и неоднократно говорила придворным, что не верит в смерть брата⁶. К этому можно добавить и целый ряд «странностей», подмеченных у вернувшихся во Францию Бурбонов⁷: так, например, Людовик XVIII не был коронован, а заупокойные мессы по погибшим в годы Революции членам семьи официально служили 21 января (день казни Людовика XVI), 16 октября (день казни Марии-Антуанетты) и 10 мая (день казни Елизаветы Французской), но никогда – 8 июня⁸.

Так или иначе, только четыре «Людовика XVII» сумели оставить сколько-нибудь существенный след в истории. Эти четверо еще и в XX в. имели своих сторонников и противников: все тот же Эрваго⁹; вынырнувший в

¹ От французского «*évasion*» – «бегство»; так традиционно называют сторонников версии о том, что Людовику XVII удалось бежать из Тампля. Очевидно, что если это действительно произошло и малолетний король оставил наследников, пребывание на престоле Людовика XVIII и Карла X совершенно не законно, а граф Парижский не является главой дома Бурбов.

² *Le Figaro*. 6 décembre 1999.

³ Интересующихся можно отослать к обширной популярной литературе, представление о которой можно получить по опубликованному на русском языке (правда, в крайне некачественном переводе) отрывкам из книг А. Деко. См., например: *Деко А. Великие загадки истории*. М., 2000. Глава «Что случилось с сыном Людовика XVI?».

⁴ Эрваго вошел в историю, как один из самых упорных лже-дофинов: его неоднократно арестовывали, и всякий раз после освобождения он вновь провозглашал себя Людовиком XVII.

⁵ *Блан Л.* Цит. соч. С. 249, 250.

⁶ *Midi libre*. 15 septembre 2001. Подробнее см.: *Serres-Bria R.* Op. cit. Судьба брата беспокоила ее и на смертном одре. *BIL*. 2003. N 50. P. 5-8.

⁷ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Людовик XVII: жизнь и легенда. С. 174-177.

⁸ *Bourbon Ch.-L.-Ed. de. La survivance de Louis XVII. Les preuves.* Saint-Étienne, 1998. Книга тем более интересна, что написана потомком одного из претендентов на роль Людовика XVII.

⁹ См., например: *Vast (Dr. Albert).* Un faux dauphin, Hervagault et le mystère du temple. 1781-1812. D'après de nouveaux documents. P., 1929; *Béarn M. et G. de.* Louis XVII ou la couronne du silence. P., 1968.

Всё это и многое другое не позволяет сделать однозначный вывод о том, что перед нами: миф или реальность. Как понимать, к примеру, удивительное решение голландцев признать в Наундорфе Людовика XVII – едва ли в истории Европы найдется похожий случай? Как объяснить не менее удивительную внешнюю схожесть ныне живущего потомка Наундорфа с теми Бурбонами, которые находились на престоле в XVII-XVIII вв., в частности с Генрихом IV? Как следует истолковывать странности в поведении Людовика XVIII и, в частности, его отказ от официальной коронации, о чем уже неоднократно писали историки?

И, с другой стороны, рискнет ли кто-нибудь утверждать, что сугубо научные методы решения проблемы положат конец легенде? Завершись генетические исследования признанием родства Наундорфа с французской королевской династией, кто сможет с уверенностью заявить, что он именно Людовик XVII? Завершись они доказательством обратного, подтвердит ли это, что дофин действительно умер в Тампле? А это значит, что легенда, которой уже более двухсот лет, будет и дальше продолжать свое существование...

Статья подготовлена для сайта *Vive Liberta*

Д.Бовыкиным, И.Стешенко

© Дмитрий Бовыкин 2003-2006

© *Vive Liberta* 2006

как мы видели, и анализ ДНК: в уже цитированном выше заявлении авторитетного французского эксперта О. Паскаля говорилось, что для точной идентификации необходима эксгумация тела Наундорфа – только в этом случае будут получены доказательства, которые невозможно оспорить¹. Других вариантов нет – анализ двух фрагментов кости, якобы сохранившихся после эксгумации тела в 1950 г., уже проводился несколько лет назад все той же лабораторией в Лювене с аналогичным, отрицательным результатом. Впрочем, имеются серьезные сомнения и в их аутентичности: почти полвека кости хранились не опечатанными². Против повторной эксгумации не возражают и потомки Наундорфа: еще несколько лет назад Карл-Людовик-Эдмон официально заявил: «Останки нашего Предка (вашего самозванца) в вашем распоряжении, мы не против»³.

Из всех претендентов на роль Людовика XVII Наундорф оказался, пожалуй, объектом самого пристального и всестороннего внимания – как современников, так и историков, рассматривавших проблему под множеством различных ракурсов. Так, например, ставился вопрос о том, соответствовали ли различные шрамы и отметины (в частности, от прививок оспы) на его теле тем, что были у дофина. Судить об этом трудно, поскольку вскрытия тела Наундорфа не проводилось; врачи ограничились лишь внешним осмотром, да и то два дня спустя после смерти. Единственное имеющееся в нашем распоряжении свидетельство – это слова мадам де Рамбо, утверждавшей, что они у Наундорфа были⁴. Проводилось и сравнительное изучение почерков дофина и Наундорфа; оно показало достаточное, с поправкой на возраст, сходство, позволяющее говорить об идентичности двух этих людей⁵.

В то же время в истории Наундорфа есть немало и темных мест, что позволяет ряду исследователей считать его самым искусным, самым талантливым – но всё же самозванцем. Фантастична написанная им история побега из тюрьмы и дальнейших скитаний⁷ – она не только не поддается проверке, но и подозрительно, по мнению многих историков, напоминает авантюрный роман. Станным кажется то, что Наундорф не знал французского, хотя его сторонники напоминают, что и дети Франциска I, оказавшиеся в испанском плену, также забыли родной язык⁸. Таинственным образом исчезли все хранившиеся у Наундорфа бумаги, якобы позволявшие доказать, что он действительно сын Людовика XVI... Таких вопросов немало, и далеко не всегда на них находят убедительные ответы.

* * *

Разумеется, мы не ставили своей целью написать «подлинную историю» Людовика XVII, равно как и поставить последнюю точку в долгой жизни данного казуса, насчитывающего уже более двух веков. Важным представляется иное: даже из этого, весьма краткого по сравнению с обширной литературой, рассказа о загадке Людовика XVII видно, что она и призывает высказать свое мнение о проблеме, и не позволяет этого сделать. Она представляется нам действительно уникальным феноменом исторической памяти⁹, являясь, как и сама Французская революция, в равной мере достоянием и истории, и современности.

Свидетельством ее актуальности и необычности служит целый ряд факторов. Это и ситуация, в которой потомки короля, официально скончавшегося в десятилетнем возрасте, требуют у государства официального признания своих прав, а государство не отказывает им в длительных судебных разбирательствах. Это и постоянные попытки перевести вопрос именно в плоскость строгого научного исследования – с опорой на исторические документы, воспоминания очевидцев, новейшие методы генетического анализа – которое позволит, наконец, дать однозначный ответ о «посмертной судьбе» Людовика XVII. Это и неутраченные разговоры о существовании доселе неизвестных, скрытых в труднодоступных местах, но, возможно, проливающих новый свет на проблему свидетельств, среди которых называют, в частности, бумаги герцогини Ангулемской, якобы хранящиеся в архиве Ватикана.

1 BIL. 2000. N 40. P. 5-6.

2 BIL. 1998. N 32.

3 BIL. 1995. N 21. P. 3.

4 BIL. 1999. N 34.

5 *Rochetal A. de. Etude graphologique. Expertise en écriture sur Louis XVII=Naundorff. P., 1911.*

6 Ярким образом подобной литературы служит, например, книга: *Blanrue P.-E. Le «mystère du Temple». La vraie mort de Louis XVII. P., 1996.*

7 *Charles-Louis, Duc de Normandie. Abrégé de l'histoire des infortunes du dauphin. Londres, 1836 ; rééd. Paris, 1911 ; Idem. Récit de Crossen // Légitimité. 1895.*

8 *Samson Ch. Louis XVII et sa descendance. P., 1906. P. 19.*

9 И не только французов. Так, например, в 1937 г. в США вышел на экраны фильм «Король без короны», рассказывавший, как Людовика XVII якобы спас и увез в Соединенные Штаты отправленный к индейцам миссионер.

Всё это и многое другое не позволяет сделать однозначный вывод о том, что перед нами: миф или реальность. Как понимать, к примеру, удивительное решение голландцев признать в Наундорфе Людовика XVII – едва ли в истории Европы найдется похожий случай? Как объяснить не менее удивительную внешнюю схожесть ныне живущего потомка Наундорфа с теми Бурбонами, которые находились на престоле в XVII-XVIII вв., в частности с Генрихом IV? Как следует истолковывать странности в поведении Людовика XVIII и, в частности, его отказ от официальной коронации, о чем уже неоднократно писали историки?

И, с другой стороны, рискнет ли кто-нибудь утверждать, что сугубо научные методы решения проблемы положат конец легенде? Завершись генетические исследования признанием родства Наундорфа с французской королевской династией, кто сможет с уверенностью заявить, что он именно Людовик XVII? Завершись они доказательством обратного, подтвердит ли это, что дофин действительно умер в Тампле? А это значит, что легенда, которой уже более двухсот лет, будет и дальше продолжать свое существование...

Статья подготовлена для сайта *Vive Liberta*

Д.Бовыкиным, И.Стешенко

© Дмитрий Бовыкин 2003-2006

© *Vive Liberta* 2006